

Александр Гранд

Анти-КАПИТАЛ II КРАХ или ПРОЦВЕТАНИЕ

Судьба РФ — для тех, кому
не все равно

Александр Гранд

Анти-КАПИТАЛ II

Крах или процветание

«Автор»

2026

Гранд А.

Анти-КАПИТАЛ II Крах или процветание / А. Гранд — «Автор»,
2026

Россия уже дважды переживала крах прежней государственности. Может ли история повториться в третий раз? «Анти-КАПИТАЛ II» исследует, как затяжное противостояние, экономическое давление, технологические и демографические риски соединяются с отсутствием ясного ответа на главный вопрос: ради чего существует и развивается страна? ПРОЦВЕТАНИЕ здесь — не утопия и не обещание, а проверяемая модель. Успеет ли Россия найти этот ответ прежде, чем его отсутствие вновь обернётся для страны необратимыми последствиями?

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Часть I. Тревожный звон колокола над страной	8
Глава 1. «Россия — лишняя страна?»	8
Глава 2. Два падения: Империя и Союз	9
Глава 3. Третий раз у края	10
Глава 4. 35 лет после 1991-го	11
Глава 5. Смысл как стратегический кислород	12
Глава 6. Предупреждение как инструмент: риск без фатализма	13
Глава 7. Как читать эту книгу: режимы текста и ключевые понятия	15
Часть II. История как учитель, которого мы игнорируем	17
Глава 8. Империя: модернизация, которую не успели завершить	17
Глава 9. Первая мировая: кризис как стресс-тест государства	18
Глава 10. СССР: великий рывок и пределы системы	19
Глава 11. Афганская война: цена ограниченных ожиданий	20
Глава 12. 1989–1991: распад системы	21
Глава 13. 1990-е: свобода, шок и слабые институты	22
Глава 14. 2000-е: стабильность без образа будущего	23
Глава 15. Военный успех и стратегический выигрыш — не одно и то же	24
Глава 16. Цена невыученных уроков: выводы и ключевые понятия	25
Часть III. Голоса и предостережения: мнения, а не пророчества	28
Глава 17. Збигнев Бжезинский: геополитическая логика Евразии	28
Глава 18. Джульетто Кьеза: предупреждение о сжатии времени	29
Глава 19. Станислав Говорухин: «Великая криминальная революция» как диагноз эпохи	30
Глава 20. Виктор Астафьев: нравственная боль как литературное свидетельство	31
Глава 21. Александр Зиновьев: пессимистический сценарий как стресс-тест	32
Глава 22. Владимир Путин: утраченные ориентиры и смысл после войны	33
Глава 23. Михаил Ковальчук: цифровые риски и «служебный человек»	35
Глава 24. Владимир Войнович: художественное предупреждение, а не прогноз	36
Глава 25. Андрей Кончаловский: культура как долгосрочная инфраструктура	37
Глава 26. Евгений Пригожин: публичные заявления участника конфликта и пределы их использования	38
Глава 27. Константин Крылов: «колония» как политическая метафора	39
Глава 28. Генерал Леонид Ивашов: критический сценарий как мнение	40
Глава 29. Россия на развилке: сценарии риска, а не пророчества	41

Глава 30. Константин Сивков: военный анализ и пределы прогноза	42
Глава 31. Владимир Пантин: исторические циклы и проверка гипотезы фактами	43
Глава 32. Сергей Глазьев: экономический суверенитет и структурная зависимость	44
Глава 33. Что такое «КАПИТАЛ» в этой книге: когда средство становится целью	45
Глава 34. Почему модель привлекательна: свобода, успех и безопасность	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Гранд

Анти-КАПИТАЛ II Крах или процветание

ВВЕДЕНИЕ

Россия снова оказалась на историческом распутье. За одно столетие страна дважды пережила распад прежней государственности: сначала Российской империи, затем Советского Союза. Сегодня вопрос устойчивости Российской Федерации снова упирается не только в силу государства, но и в ясность будущего, ради которого эта сила существует.

Причины катастроф 1917 и 1991 годов были разными, но опасное сочетание повторялось: внешний удар или кризис становился разрушительнее, когда внутри накапливались усталость, недоверие и потеря общего горизонта. В какой-то момент общество переставало уверенно отвечать на простые вопросы: кто мы, куда идём и ради чего должны вместе выдерживать трудности?

После 1991 года Россия отказалась от прежней идеологической системы, но новая общенациональная система координат возникла не сразу. Рынок ответил на вопрос, как обменивать товары и капитал. Он не мог сам ответить, каким должно быть будущее страны, что считать успехом государства и какое место в нём принадлежит человеку.

История предупреждает жёстко: ресурсы, армия, территория и героизм не заменяют стратегического смысла. Государство особенно уязвимо тогда, когда способно мобилизоваться против угрозы, но не может столь же ясно объяснить, ради какой мирной жизни требуется эта мобилизация.

Сегодня развилка предельно конкретна. Россия может превратить накопленный опыт, ресурсы и общественную энергию в долгую программу развития — обрести понятные ориентиры и измерять силу качеством жизни, науки, образования, технологий и доверия. Либо чрезвычайный режим станет привычнее будущего, а нерешённые противоречия продолжают накапливаться.

Эта книга — не пророчество о неизбежном крахе и не обещание чудесного процветания. Это попытка проверить страну на прочность и задать вопрос, от которого нельзя уклониться: сумеет ли Россия вовремя создать смысл и систему координат, способные пережить любой политический цикл и любую внешнюю бурю?

Примечание автора о фактах, оценках и источниках

Эта книга относится к жанру публицистики и общественно-политического анализа. В ней последовательно разделяются проверяемые факты, позиции конкретных лиц, авторские интерпретации и сценарии будущего.

Сведения о текущих военных событиях, специальной военной операции и применении Вооружённых сил Российской Федерации приводятся только в объёме, подтверждённом публичными сообщениями российских государственных органов либо прямо атрибутированными открытыми источниками. Автор не располагает закрытой или оперативной информацией и не делает самостоятельных утверждений о секретных операциях, непубличных потерях, задачах подразделений или мотивах военного командования.

Оценки причин, последствий, институциональных рисков и возможных сценариев являются авторскими суждениями. Высказывания политиков, военных, учёных и публицистов рассматриваются как позиции конкретных людей и не превращаются в установленный факт только потому, что приведены в книге. Спорные формулировки по возможности передаются как пересказ позиции; дословная цитата требует проверяемого первоисточника.

Критика в книге направлена на модели развития, институты, управленческие решения и общественные риски. Текст не содержит призывов к насилию, противоправным действиям, свержению власти, саботажу, уклонению от военной службы или воспрепятствованию деятельности государственных органов и Вооружённых сил Российской Федерации.

КАПИТАЛ в верхнем регистре — не название организации, группы лиц или «тайного центра». Это авторская аналитическая модель ситуации, в которой финансовая отдача, концентрация контроля и краткосрочная эффективность начинают вытеснять достоинство человека, общественное доверие и долгосрочное развитие. ПРОЦВЕТАНИЕ — предлагаемая автором нормативная альтернатива, которую следует оценивать по проверяемым результатам, а не принимать на веру.

В разделах о событиях 2025–2026 годов выражения «практически ежедневная угроза» и «практически ежедневные сообщения об атаках» описывают интенсивность и регулярность происходящего, но не означают, что автор утверждает наличие удара в каждый календарный день. Каждый конкретный эпизод, приведённый в книге, атрибутирован официальному сообщению или открытому источнику.

Бюджетные расходы по разделу «Национальная оборона» не приравниваются в книге к прямым затратам на СВО: открытый федеральный бюджет не содержит единой строки, позволяющей достоверно выделить все расходы конкретной военной операции. Любые расчёты на основе оборонного бюджета прямо обозначаются как иллюстративные показатели масштаба государственной нагрузки, а не как установленная «цена войны».

Часть I. Тревожный звон колокола над страной

Глава 1. «Россия — лишняя страна?»

Резкие формулы о России часто работают не как описание реальности, а как рамка: если страну представить лишь рынком, поставщиком сырья или источником угроз, её собственные цели исчезают из поля зрения. Эта глава не ищет тайного автора такой рамки. Она разбирает более прозаический механизм — институциональную асимметрию, при которой те, кто задаёт стандарты, технологии и правила обмена, получают преимущество.

Не заговор, а устройство среды

Современный мир не управляется из единого центра. Государства, корпорации, финансовые институты, технологические платформы и международные организации конкурируют между собой. Но возможности у них неравны. Страна, зависимая от чужих платёжных систем, технологий, стандартов, логистических маршрутов или информационных платформ, обладает меньшим пространством выбора, чем страна, способная предложить собственные решения.

Именно эту зависимость книга иногда называет «колонией без оккупации». Это публицистическая метафора, а не юридический диагноз России. Её смысл прост: формальный суверенитет становится слабее, если критические решения постоянно зависят от внешней инфраструктуры.

Что такое КАПИТАЛ в логике книги

КАПИТАЛ здесь — не деньги как таковые и не группа людей. Капитал необходим для инвестиций, производства и роста. Проблема начинается в предельной модели, где краткосрочная финансовая отдача становится важнее качества институтов, человеческого капитала, науки, культуры и способности общества планировать на десятилетия.

В такой системе человек рискует превратиться из цели развития в ресурс: потребителя, набор данных, рабочую функцию. Задача книги — не отменить рынок, а поставить ему границу: экономика служит человеку и государству, а не наоборот.

Субъектность вместо изоляции

Ответом на зависимость не должна быть самоизоляция. Суверенитет XXI века — это способность выбирать партнёров, сохранять критические компетенции, участвовать в создании правил и при этом использовать международный обмен там, где он выгоден.

Поэтому главный вопрос звучит не «кто хочет уничтожить Россию?», а «какие зависимости ограничивают её выбор и какие собственные институты расширяют этот выбор?». Такая постановка менее эффектна, зато сильнее: она переводит тревогу в задачи, бюджеты, технологии и ответственность.

Вывод

Россия перестает быть объектом чужих рамок тогда, когда сама формулирует измеримый образ будущего и умеет превращать его в институты. Цепочка проста: цель → правила → образование и наука → технологии → инфраструктура → качество жизни. ПРОЦВЕТАНИЕ в этой книге начинается именно здесь.

Глава 2. Два падения: Империя и Союз

Российская Империя и Советский Союз распались в совершенно разных исторических условиях. Свести обе катастрофы к одной причине было бы удобным, но неверным объяснением. Общая закономерность проявляется иначе: крупный внешний или внутренний кризис особенно опасен тогда, когда одновременно ослабевают институты, доверие и способность государства обновляться.

Империя: кризис модернизации и легитимности

К началу XX века Россия быстро индустриализировалась, но сохраняла тяжёлые социальные противоречия, земельный вопрос, ограниченное политическое представительство и напряжение между обществом и властью. Первая мировая война резко увеличила нагрузку на снабжение, транспорт, бюджет и государственное управление. Война не создала все проблемы, но сделала их одновременно видимыми.

СССР: достижения и системное замедление

Советский проект создал мощную промышленность, массовое образование, научные школы и крупные технологические достижения. Одновременно к позднему периоду накапливались дефициты, снижение эффективности управления, технологические разрывы, противоречия союзного устройства и кризис доверия к официальной риторике. Афганская кампания была одним из факторов дополнительной нагрузки, но не единственной и не прямой причиной распада СССР.

Что объединяет две истории

Объединяет их не магическое «исчезновение идеи», а потеря способности связывать политическую цель с повседневным опытом людей. Когда обещания расходятся с институтами, экономика не даёт достаточной адаптации, элиты конфликтуют, а общество перестаёт доверять механизму принятия решений, внешний кризис приобретает разрушительную силу.

Урок для настоящего

История не повторяется по кальке. Но она показывает цену накопления нерешённых противоречий. Сильная армия, ресурсы и территория важны; столь же важны снабжение, экономика, качество управления, человеческий капитал и доверие. Смысл в этой книге — не замена этих факторов, а связующая конструкция, отвечающая на вопрос: ради какого будущего они работают.

Глава 3. Третий раз у края

Сравнение современной России с 1917-м или 1991-м легко превращается в эффектную, но ложную арифметику истории. Российская Федерация живёт в другой политической, экономической и технологической системе. Поэтому «третий крах» в этой книге — не прогноз и не обещание повторения прежних катастроф. Это название предельного сценария, который нужен для проверки устойчивости.

Что действительно можно сравнивать

Сравнивать следует не даты и лозунги, а типы напряжения: качество институтов, способность экономики адаптироваться, состояние инфраструктуры, демографию, технологическую самостоятельность, доверие общества и наличие долгосрочного горизонта. После 2014 года, а особенно после 2022-го, внешнее давление и военное противостояние стали для этих систем серьёзным стресс-тестом.

Четыре зоны риска

- Человеческий капитал: здоровье, образование, демография, способность удерживать и привлекать квалифицированных людей.
- Технологическая база: собственная наука, инженерные школы, оборудование, программные и производственные компетенции.
- Инфраструктура: устойчивость энергетики, транспорта, связи, коммунальных систем и способность быстро восстанавливать повреждения.
- Доверие и институты: предсказуемые правила, ответственность за решения и возможность общества понимать долгосрочные цели.

Не приговор, а тест

Если эти контуры устойчивы, государство способно переживать сильное давление. Если они деградируют одновременно, любой новый кризис становится дороже. Именно это книга называет риском системного краха. Здесь нет даты и нет утверждения о неизбежности.

ПРОЦВЕТАНИЕ предлагается не как чудо-ответ, а как программа проверки: какие решения повышают продолжительность здоровой жизни, качество образования, производительность, технологическую самостоятельность, доступность среды и доверие к институтам. Будущее начинается там, где тревога переводится в измеримые задачи.

Глава 4. 35 лет после 1991-го

Распад СССР стал для миллионов людей поражением привычного мира, хотя юридически он не был военной капитуляцией России. В общественной памяти 1990-е соединили освобождение от части прежних ограничений с тяжёлым экономическим шоком, высокой инфляцией, преступностью, ростом неравенства и болезненной приватизацией.

Трансформация, за которую отвечали не только внешние силы

Международные финансовые организации и зарубежные консультанты действительно участвовали в обсуждении экономических реформ. Но решения принимались российскими органами власти и элитами, а их последствия нельзя честно объяснить формулой «всё навязали извне». Внешнее влияние существовало; внутренняя ответственность от этого не исчезает.

Что изменилось за 35 лет

Россия восстановила государственную управляемость, создала значительные финансовые резервы, развила ряд отраслей, цифровых сервисов и инфраструктурных проектов. Одновременно сохраняются высокая роль сырьевого экспорта, технологические зависимости, демографические ограничения, дефицит длинного дешёвого капитала и неравномерность качества жизни между регионами.

Это сложнее, чем образ «колонии» или «полной независимости». Суверенитет — не переключатель, а набор возможностей. Чем больше критических компетенций страна контролирует сама и чем больше у неё альтернативных партнёров, тем шире пространство решений.

Главный незавершённый вопрос

После 1991 года Россия много раз отвечала на вопрос, как выжить, восстановить управляемость и защитить интересы. Следующий уровень — ответить, какой должна стать страна через двадцать лет и как обычный человек увидит результат этого выбора в здоровье, образовании, работе, жилье, безопасности и возможности создавать будущее.

Глава 5. Смысл как стратегический кислород

В этой книге «смысл» — не лозунг и не обязательная вера. Это способность общества связать повседневные решения с долгосрочным направлением. Если бюджет, образование, инфраструктура и промышленная политика движутся в разные стороны, даже богатое государство тратит силы без общего результата.

Смысл проверяется делами

Стратегический смысл существует только тогда, когда его можно увидеть в институтах. Если страна говорит о семье — это должно выражаться в доступности жилья, медицины и среды для детей. Если говорит о технологическом суверенитете — в лабораториях, инженерах, оборудовании и серийном производстве. Если говорит о достоинстве человека — в понятных правилах и качестве государственных услуг.

Почему одной стабильности мало

Стабильность защищает от хаоса, но не отвечает на вопрос направления. Экономический рост важен, но сам по себе не показывает, выросла ли продолжительность здоровой жизни, стала ли сильнее школа, появились ли новые научные компетенции, уменьшилась ли инфраструктурная уязвимость.

Пять проверок образа будущего

- здоровье и демография;
- образование, наука и человеческий капитал;
- производительность и технологическая самостоятельность;
- качество среды, инфраструктуры и жилья;
- доверие, справедливость правил и способность граждан влиять на законные общественные процессы.

Такой смысл не требует единомыслия. Он требует общего языка измеримых целей. ПРОЦВЕТАНИЕ в этой книге претендует именно на эту роль: не заменить политику красивой фразой, а заставить каждую большую фразу отвечать на вопрос — что изменится в жизни человека и как мы это проверим?

Глава 6. Предупреждение как инструмент: риск без фатализма

Зачем книге предельный сценарий

Разговор о возможном крахе имеет смысл только тогда, когда помогает раньше увидеть уязвимость и изменить решение. Предельный сценарий в этой книге — не прогноз даты и не попытка испугать читателя. Это стресс-тест: что произойдёт, если несколько слабых мест — демография, инфраструктура, технологии, доверие и экономика — начнут ухудшаться одновременно?

Страшилка закрывает пространство действия: она объявляет исход неизбежным и оставляет человеку только страх. Предупреждение делает обратное: отделяет риск от судьбы, называет механизм и показывает, какой показатель должен измениться, чтобы риск уменьшился.

Поэтому формула «крах или процветание» используется как предельная развилка. Между её полюсами существует множество промежуточных траекторий, а задача управления — сдвигать страну в сторону более устойчивой из них.

Сильное предупреждение не просит верить автору. Оно требует проверять факты, сравнивать сценарии и заранее определять признаки того, что решение работает или, наоборот, увеличивает уязвимость.

История оставляет альтернативы

Ни Российская империя, ни СССР не были обречены на конкретный день и конкретную форму распада. Исторический исход складывался из решений, ограничений и накопленных противоречий. Именно поэтому прямые формулы «могли просто сделать иначе» слишком просты, но и фатализм столь же неверен.

Империя входила в XX век с модернизацией и одновременно с нерешёнными социальными и политическими конфликтами. Война резко повысила цену этих противоречий.

Поздний СССР обладал огромными ресурсами и компетенциями, но реформы затронули экономику, политическую систему и союзное устройство быстрее, чем возник новый устойчивый механизм согласования интересов.

Современная Россия находится в иной исторической среде. Поэтому урок прошлого состоит не в ожидании «третьего повторения», а в способности раньше замечать сочетание рисков и корректировать курс до того, как цена ошибки становится чрезвычайной.

История здесь не экзаменатор с заранее приготовленным приговором. Она скорее показывает, насколько дорого государству обходится задержка обучения.

Опасность выученной беспомощности

Внешнее давление — санкции, военные риски, технологическая конкуренция — действительно ограничивает пространство решений. Но внутреннее ощущение, что ничего нельзя изменить, само становится фактором слабости: оно снижает инициативу, качество обратной связи и готовность брать ответственность за долгий результат.

Гражданская пассивность не «рушит страну сама по себе», как и одна мобилизационная кампания не спасает её автоматически. Устойчивость возникает из работающих институтов, профессионального участия, понятных правил и способности исправлять ошибки без разрушительного кризиса.

Предупреждение должно вести к действию

Сигнал тревоги полезен только тогда, когда после него существует протокол действий. Для государства это означает карту уязвимостей, приоритеты, бюджет, ответственных, сроки и независимую проверку результата.

Для этой книги таким протоколом постепенно становится ПРОЦВЕТАНИЕ:

- не отрицать угрозы, а измерять их реальную цену и уменьшать уязвимость;

- не обещать идеальное будущее, а проверять ограниченные решения и масштабировать только подтверждённый результат.

Правда сильнее самоуспокоения

Патриотизм не требует считать государство неуязвимым. Напротив, серьёзное отношение к стране предполагает способность видеть её сильные стороны и одновременно называть проблемы без паники и ритуального оптимизма.

Формулы «нас никто не сломает» или «всё неизбежно рухнет» одинаково освобождают от анализа. Первая обещает иммунитет, вторая — бессилие. Обе мешают ответить на практический вопрос: что именно нужно сделать сейчас?

Поэтому жёсткость этой книги должна находиться не в громкости формулировок, а в критериях: насколько безопаснее становится территория, сильнее экономика, доступнее развитие человека и длиннее горизонт государственных решений.

Не «третий шанс», а постоянная проверка устойчивости

У истории нет ограниченного числа попыток, записанного в календаре. Но у каждого поколения есть собственная ответственность за состояние институтов, инфраструктуры, знаний и общественного договора, которое оно передаст следующему.

1917 и 1991 годы важны не как два «проваленных экзамена», а как напоминание: крупная государственная система может долго выглядеть устойчивой, пока несколько накопленных напряжений не начинают усиливать друг друга.

Современная проверка состоит в другом: способна ли Россия превращать кризисный опыт в более качественные институты, технологии, образование, инфраструктуру и дипломатические возможности.

Ответ нельзя получить одной речью или одним показателем. Он складывается из последовательности решений, которые можно проверить.

Главный вопрос книги поэтому звучит не «сколько попыток осталось?», а «какие механизмы сегодня уменьшают вероятность системной ошибки завтра?»

Выбор читателя и выбор системы

Предупреждение о риске не означает, что судьба страны зависит от отдельного человека. Масштабные изменения требуют государственных институтов, профессиональных сообществ, бизнеса, науки и общественного участия.

Но гражданин также влияет на качество среды: тем, как проверяет информацию, работает, участвует в законных общественных процессах, относится к профессиональной ответственности и реагирует на попытки заменить аргумент враждой.

Поэтому прогнозы и резкие оценки Бжезинского, Войновича, Ивашова и других авторов дальше рассматриваются не как пророчества, а как материал для стресс-теста.

Если предупреждение нельзя перевести в проверяемый вопрос, оно остаётся риторикой. Если можно — оно становится инструментом управления риском.

Крах России не объявляется роком, а ПРОЦВЕТАНИЕ — гарантией. Между ними находится главное содержание книги: способность видеть риск, проверять решения и исправлять курс раньше, чем цена ошибки становится исторической.

Глава 7. Как читать эту книгу: режимы текста и ключевые понятия

Эта книга соединяет историю, публицистику, современную политику и авторский проект. Поэтому важнее всего не смешивать разные режимы текста.

Четыре режима

- Факт — проверяемое событие, документ или статистический показатель. Для чувствительных современных тем источник особенно важен.
- Позиция — мнение политика, учёного, военного, писателя или другого автора. Оно характеризует говорящего и не становится доказанным фактом автоматически.
- Интерпретация — авторская попытка связать факты и объяснить их. Её можно оспаривать.
- Сценарий — ответ на вопрос «что будет, если». Он нужен для оценки риска, но не является предсказанием.

Что значит «Концепция»

Концепция — это набор критериев, по которым мы оцениваем решения. КАПИТАЛ и ПРОЦВЕТАНИЕ в этой книге — не догмы. Это две аналитические рамки: первая показывает риск подчинения человека финансовой эффективности, вторая проверяет, можно ли сделать качество человеческой жизни и устойчивость страны главным критерием развития.

Как читать метафоры

«Кислород», «край», «поле игры», «цифровая клетка» — литературные образы. Они усиливают мысль, но не заменяют доказательство. Там, где метафора становится слишком удобной, её нужно возвращать к фактам и механизму.

Как читать голоса известных людей

Бжезинский, Зиновьев, Говорухин, Ковальчук, Кончаловский и другие важны здесь не как пророки. Их тексты и выступления используются как интеллектуальные стресс-тесты: какой риск они заметили, что подтверждается фактами, что осталось гипотезой, а где время опровергло прогноз.

Эта книга предлагает не веру, а карту вопросов. Чем сильнее тезис, тем строже к нему должна быть проверка.

Ключевые понятия

Парадигма

Система предпосылок, через которую общество понимает проблему и выбирает решения. Меняя парадигму, мы меняем не факты, а вопросы, которые считаем главными.

Суверенитет

Способность государства принимать решения в собственных интересах и располагать достаточными политическими, экономическими, технологическими и культурными возможностями для их реализации. Суверенитет не равен изоляции.

Капитал

Экономический ресурс, который может быть направлен на производство, инновации и развитие. В самой категории капитала нет морального знака.

КАПИТАЛ

Авторская модель ситуации, в которой максимизация финансовой отдачи, концентрация контроля и короткий горизонт начинают подчинять себе человека и долгосрочные общественные интересы. Это не название организации и не утверждение о тайном центре управления.

ПРОЦВЕТАНИЕ

Нормативная модель, где экономика остаётся инструментом, а результат оценивается шире ВВП: по здоровью, знаниям, безопасности, свободе выбора, качеству среды, технологической способности и доверию.

Цифровой суверенитет

Способность контролировать критическую цифровую инфраструктуру и данные, сохраняя при этом права человека, совместимость с полезными международными стандартами и возможность оспаривать автоматические решения.

Алгоритмический контроль

Риск ситуации, когда непрозрачная автоматическая система существенно влияет на права и возможности человека без понятного объяснения, альтернативы и процедуры обжалования.

Когнитивное влияние

Воздействие на внимание, интерпретации и поведение через информационную среду. Оно может использоваться государствами, бизнесом, медиа и общественными группами; само по себе наличие влияния не доказывает централизованную «войну за сознание».

Стратегический горизонт

Период, на котором государство оценивает последствия решений. Чем длиннее горизонт, тем больше значение образования, демографии, науки, инфраструктуры и институтов.

Часть II. История как учитель, которого мы игнорируем

Глава 8. Империя: модернизация, которую не успели завершить

Российская Империя начала XX века была не «пустой оболочкой», а быстро меняющейся державой: росла промышленность, строились железные дороги, развивались города и образование. Именно поэтому её крах нельзя объяснить отсутствием развития. Проблема состояла в том, что экономическая модернизация шла быстрее политического и социального обновления.

Несовпадение скоростей

Земельный вопрос, условия труда, ограниченность политического представительства, национальные противоречия и недоверие к бюрократии накапливались одновременно. Революция 1905 года показала глубину напряжения, но последующие реформы не успели создать устойчивый новый баланс.

Война как усилитель

Первая мировая война резко повысила требования к транспорту, снабжению, бюджету и управлению. Военное давление совпало с политическим конфликтом и ухудшением снабжения городов. В таких условиях доверие к власти падало быстрее, чем государство успевало адаптироваться.

Урок

Исторический вывод не в том, что «страна без идеи неизбежно рушится». Он точнее: модернизация должна быть согласованной. Экономика, институты, армия, социальная политика и политическая легитимность не могут долго развиваться в разных темпах. Смысл государства проверяется способностью связывать эти контуры в работающую систему.

Глава 9. Первая мировая: кризис как стресс-тест государства

Первая мировая война не была единственной причиной революции 1917 года, но стала чрезвычайно жёстким стресс-тестом. Она одновременно проверила мобилизацию, снабжение, транспорт, бюджет, управление и способность власти сохранять политическое доверие.

То, что было до войны

Российская экономика росла, но сохраняла серьёзные аграрные и социальные противоречия. Политическая система после 1905 года изменилась, однако конфликт между представительной политикой и самодержавной моделью не был разрешён окончательно.

Что сделала война

Миллионные армии требовали огромного количества вооружения, продовольствия и перевозок. Потери, инфляция и перебои снабжения усиливали недовольство. Одновременно происходил конфликт внутри элит и падало доверие к высшему руководству.

Почему прямые аналогии опасны

Сравнивать Первую мировую с современными конфликтами по принципу «было тогда — значит будет сейчас» некорректно. Технологии, институты и общество иные. Исторически полезен только общий принцип: длительный конфликт увеличивает цену слабых мест в экономике и управлении.

Сильная оборона требует не только мужества военнослужащих, но и устойчивого тыла, промышленности, логистики, финансов и доверия. Именно эту взаимосвязь книга переносит в современную дискуссию о ПРОЦВЕТАНИИ.

Глава 10. СССР: великий рывок и пределы системы

Советский Союз дал миру пример масштабной мобилизации ресурсов: индустриализация, массовое образование, победа в Великой Отечественной войне, атомный проект, космос, фундаментальная наука. Отрицать эти достижения — значит обеднять историю.

Цена и противоречия

Одновременно система несла тяжёлую цену: политические репрессии, дефициты, жёсткие ограничения свободы и высокую зависимость от административного управления. К позднему СССР проявились слабая чувствительность к потребительскому спросу, технологические и управленческие ограничения, падение темпов роста и усталость от разрыва между официальной риторикой и повседневным опытом.

Афганистан — фактор, а не объяснение всего

Ввод советских войск в Афганистан увеличил внешнеполитические, бюджетные и общественные издержки. Но распад СССР нельзя честно вывести из одной кампании. На него повлияли экономические дисбалансы, политическая реформа, национальный вопрос, конфликт внутри элит и ошибки управления переходом.

Что такое «усталость идеи»

В этой книге это не мистика. Так называется момент, когда официальная цель перестаёт объяснять человеку, почему институты работают именно так и каким будет практический результат завтра. Если цель не выдерживает проверку реальностью, одной мобилизационной риторики недостаточно.

ПРОЦВЕТАНИЕ должно избежать той же ловушки: оно обязано постоянно подтверждать себя измеримыми результатами и допускать корректировку, иначе новое слово быстро превратится в новый лозунг.

Глава 11. Афганская война: цена ограниченных ожиданий

В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан. Советское руководство ссылалось на просьбы афганских властей и соображения безопасности; историки по-разному оценивают совокупность мотивов решения. Кампания, начатая в условиях холодной войны, оказалась значительно дольше и сложнее первоначальных ожиданий.

Военнослужащие и политическое решение

Советские военнослужащие выполняли поставленные государством задачи в крайне тяжёлых условиях. Оценка политического решения не должна превращаться в обесценивание их службы, мужества и потерь.

Цена кампании

За почти десять лет СССР потерял около 15 тысяч военнослужащих погибшими; были десятки тысяч раненых и заболевших. Афганистан понёс гораздо более тяжёлые человеческие и материальные потери, оценки которых заметно различаются по источникам. Кампания также усилила международную конфронтацию и стала дополнительной нагрузкой на советскую экономику и общественное доверие.

Исторический вывод

Афганская война не «разрушила СССР» сама по себе. Она стала одним из факторов позднесоветского кризиса и примером того, как ограниченная по замыслу операция может приобрести долгий политический и социальный горизонт.

Переносить эту историю напрямую на сегодняшнюю СВО некорректно. Полезен более общий урок: государство должно одновременно обеспечивать безопасность, устойчивость экономики, понятность публично заявленных целей и готовность общества к долгим последствиям любого крупного конфликта.

Глава 12. 1989–1991: распад системы

Распад Советского Союза был результатом сочетания процессов, а не одной «потери веры». К концу 1980-х экономика испытывала серьёзные дисбалансы и дефициты, политическая либерализация разрушала прежние механизмы управления быстрее, чем возникали новые, союзные республики усиливали требования суверенитета, а элиты всё чаще действовали в разных политических проектах.

Почему система потеряла управляемость

Реформы одновременно затронули экономику, медиа, партийную систему и федеративные отношения. Частичная рыночная перестройка существовала рядом со старой системой распределения; политическая конкуренция росла, а эффективного нового механизма согласования интересов не возникло.

Почему «тихий крах» не был простым

Отсутствие внешнего вторжения не означает отсутствия конфликта. Август 1991 года, борьба союзного и республиканских центров власти, экономический кризис и национальные движения создали ситуацию, в которой сохранение прежней государственности стало политически невозможным.

Урок

Смысл позднесоветского опыта не в формуле «если народ перестал верить — страна исчезнет». Государство уязвимо, когда одновременно распадаются экономические механизмы, политические правила и общий договор о будущем. Обновление должно создавать новую управляемость, а не только разрушать старую.

Глава 13. 1990-е: свобода, шок и слабые институты

1990-е нельзя честно описать одним словом. Для одних это время новых свобод, предпринимательства и открытости; для других — обесцененных сбережений, бедности, криминала и ощущения несправедливости. Обе памяти существуют одновременно.

Рынок без достаточных институтов

Переход к рыночной экономике проходил на фоне высокой инфляции, спада производства, слабости правоприменения и резкого перераспределения собственности. Приватизация создала частный сектор, но происхождение крупных состояний и равенство правил стали источником долгого общественного спора.

«Великая криминальная революция»

Станислав Говорухин использовал эту резкую формулу как публицистический диагноз эпохи. Она передаёт часть общественного опыта, но не является нейтральным научным описанием всего десятилетия и не превращает любого предпринимателя, чиновника или реформатора в преступника.

Что было потеряно и что появилось

Страна столкнулась с утечкой квалифицированных кадров, падением доходов многих семей и кризисом ряда научных и промышленных систем. Одновременно возникли частное предпринимательство, новые медиа, мобильность и иные формы личной инициативы. Проблема была не в свободе как таковой, а в слабости правил, которые должны были сделать свободу совместимой со справедливостью и ответственностью.

Урок для ПРОЦВЕТЕНИЯ

Новая модель не должна воспроизводить ни административную закрытость, ни правовой вакуум. Её критерий — конкурентная экономика, защита собственности, сильные социальные лифты, независимая проверка решений и общественная отдача от развития.

Глава 14. 2000-е: стабильность без образа будущего

Начало нового тысячелетия в России стало эпохой усталой надежды. После тяжёлых 1990-х общество прежде всего ожидало предсказуемости: работающих институтов, роста доходов, восстановления управляемости и ощущения безопасности.

Эпоха восстановления

В 2000-е годы рост цен на сырьё, увеличение бюджетных возможностей и укрепление государственных институтов позволили повысить доходы населения, нарастить резервы и вернуть государству способность реализовывать крупные проекты. Для миллионов людей это стало реальным улучшением по сравнению с предыдущим десятилетием.

Но восстановление и долгосрочная цель — не одно и то же. Стабильность способна создать платформу для развития, однако сама по себе не отвечает на вопрос, какой должна стать страна через двадцать или тридцать лет.

Вместо будущего — привычка к стабильности

По оценке автора, постепенно понятие стабильности стало не только условием развития, но и самостоятельной политической ценностью. Это естественно после периода потрясений, однако у такой модели есть риск: общество начинает измерять успех прежде всего отсутствием нового кризиса, а не качеством будущего.

К середине 2010-х Россия стала заметно активнее во внешней политике. Одновременно усилились санкционное давление, технологические ограничения и конфронтация с западными странами. Всё это сделало вопрос о собственной долгосрочной модели развития ещё важнее.

Аляска 2025: значение символа и пределы дипломатии

В августе 2025 года Владимир Путин и Дональд Трамп провели переговоры в Анкоре-дже. Сам факт прямого российско-американского диалога на высшем уровне стал заметным дипломатическим событием и вызвал разные оценки в России и за её пределами. [5]

Однако символическая значимость одной встречи не равна автоматически устойчивому политическому результату. Международное влияние определяется не одним саммитом, а сетью долговременных отношений, экономическими возможностями, способностью поддерживать переговорные каналы и добиваться практических договорённостей.

Для логики этой книги встреча на Аляске важна именно как иллюстрация различия между статусным событием и институтом. Яркая дипломатическая сцена может подтвердить наличие диалога, но не заменяет долгосрочной стратегии страны.

Главный вопрос

Проблема, которую ставит автор, заключается не в отрицании достижений 2000-х. Вопрос в другом: достаточно ли модели, построенной вокруг стабильности, суверенитета и реагирования на внешние вызовы, чтобы сформировать привлекательный образ России середины XXI века?

По мнению автора, ответ должен включать не только безопасность и экономический рост, но и качество жизни, образование, демографию, научное развитие, культуру, технологическую самостоятельность и понятные гражданам критерии успеха.

2000-е вернули стране значительную часть управляемости и ресурсов. Следующая задача сложнее: превратить устойчивость в развитие, а способность отвечать на кризисы — в способность задавать собственный горизонт будущего. Именно в этом смысле стабильность должна быть не конечной точкой, а стартовой площадкой.

Глава 15. Военный успех и стратегический выигрыш — не одно и то же

Победа имеет несколько горизонтов

Военная победа, дипломатический результат и долгосрочный выигрыш государства — разные категории. Смешивать их опасно. Военный успех может быть жизненно необходим: он защищает людей, территорию и саму возможность принимать решения. Но после завершения боя начинается другой экзамен — что страна делает с полученным временем, безопасностью и мобилизованными ресурсами.

Эта постановка не обесценивает подвиг военнослужащих и не пересматривает военную историю. Напротив, она требует, чтобы цена, которую общество платит за безопасность, превращалась в более устойчивую мирную жизнь.

1812 год: победа открыла, но не решила все вопросы

Разгром армии Наполеона стал огромной военной и политической победой России. Он укрепил международный статус империи и изменил европейский баланс сил. Но сама победа не отменила внутренних проблем — крепостного права, бедности, неравномерной модернизации и тяжёлой нагрузки на хозяйство. Победа дала историческое пространство; использовать его для обновления предстояло уже мирной политике.

1945 год: историческая победа и отдельная задача будущего

Победа СССР в Великой Отечественной войне не нуждается в переоценке через события последующих десятилетий. Это самостоятельный исторический результат, оплаченный колоссальной ценой. После 1945 года государство восстановило разрушенные города и промышленность, создало атомную отрасль, вышло в космос и расширило образование. То, что Советский Союз распался почти через полвека, не отменяет Победу; это показывает другое: даже величайший военный результат не освобождает систему от необходимости постоянно обновлять экономику, институты и общественный договор.

Афганистан: разделять службу и политическую стратегию

Советские военнослужащие в Афганистане выполняли поставленные государством задачи. Политико-стратегический итог кампании оценивается отдельно от их мужества и службы. Для этой книги важен не ярлык «победа» или «поражение», а механизм: длительный конфликт способен создавать расходы и последствия, которые продолжают действовать далеко за пределами военного театра.

Критерий XXI века

Сегодня стратегический выигрыш нельзя измерить одной картой, одним парадом или одним бюджетным показателем. После кризиса территория страны должна становиться безопаснее, инфраструктура — устойчивее, экономика — производительнее, наука — сильнее, демография — менее уязвимой, а у людей должен появляться более широкий горизонт нормальной жизни.

Военный успех отвечает на вопрос, удалось ли решить конкретную задачу безопасности. Стратегический выигрыш отвечает на более трудный вопрос: стала ли страна после понесённых затрат сильнее в долгом времени. Именно эту вторую проверку книга применяет ко всем эпохам — без обесценивания первой.

Глава 16. Цена невыученных уроков: выводы и ключевые понятия

История не повторяется, но долг накапливается

Исторические ошибки редко предъявляют счёт в момент принятия решения. Сначала кажется, что проблему можно отложить: инфраструктура ещё работает, кадры ещё есть, бюджет выдерживает, общество приспосабливается. Но отложенная проблема не исчезает. Она капитализируется — и следующий кризис приходится проходить уже с более дорогим ремонтом, более узким выбором и меньшим запасом времени.

Урок Империи

К началу XX века Россия одновременно модернизировалась и сохраняла нерешённые социальные и политические противоречия. Первая мировая война не создала их из ничего, но заставила систему платить по всем счетам сразу: транспорт, снабжение, бюджет, доверие, управляемость. Урок не в том, что «война автоматически разрушает государство». Урок в том, что большой внешний стресс резко повышает цену внутренней недоделанности.

Урок СССР

Поздний Советский Союз также имел огромные ресурсы, оборонный потенциал и образованное население. Но экономические дисбалансы, технологическое отставание в ряде гражданских отраслей, национальный вопрос, конфликт элит и падение доверия наложились друг на друга. Афганская кампания стала дополнительной нагрузкой, а не универсальным объяснением распада.

2026 год: другой мир, тот же принцип ответственности

Современную Россию нельзя механически приравнять ни к Империи, ни к СССР. Но принцип остаётся: длительное военное противостояние, санкции, технологические ограничения и атаки на инфраструктуру превращают качество внутренних институтов в вопрос национальной устойчивости. Чем дольше кризис, тем дороже обходятся слабая логистика, зависимость от отдельных технологий, демографический спад и отложенная модернизация.

Поэтому цена ошибки сегодня — не мистический «последний шанс» и не заранее назначенный крах. Цена измеряется конкретнее: потерянными инвестициями, износом инфраструктуры, более дорогим кредитом, оттоком компетенций, восстановительными расходами и годами, которые нельзя вернуть одним указом.

Главный вывод

История не требует паники. Она требует скорости обучения. Страна становится устойчивее, когда способна признавать ошибку до катастрофы, менять неработающее решение и не путать продолжение курса с проявлением силы. ПРОЦВЕТАНИЕ начинается с этой дисциплины: каждый крупный выбор должен иметь критерий результата, срок проверки и возможность корректировки.

Ключевые понятия части II

Рабочий словарь исторического риска

Эти понятия суммируют логику Части II. Они нужны не для усиления драматизма, а для того, чтобы дальше одинаково понимать механизмы риска и не смешивать метафору с фактом.

Спусковой крючок — событие, которое ускоряет уже накопленный кризис, но не создаёт все его причины. Первая мировая усилила противоречия Российской империи; она не объясняет их происхождение целиком.

Системный распад — потеря прежней государственно-институциональной конструкции под действием нескольких процессов одновременно: экономических, политических, социальных, национальных и внешних. Отсутствие внешней капитуляции не делает такой распад «тихим» или безболезненным.

Приватизация смысла — публицистическое обозначение ситуации, когда критерий общественного успеха сужается до частной выгоды, а результаты для культуры, науки, труда и будущих поколений оказываются вторичными. Это аналитическая метафора, а не описание любого рынка.

Стабильность без цели — состояние, при котором сохранение текущего порядка становится самостоятельным критерием успеха и постепенно вытесняет структурное развитие. Стабильность полезна как условие, но недостаточна как образ будущего.

Фасадная устойчивость — ситуация, когда внешние показатели силы сохраняются, а отдельные внутренние контуры — инфраструктура, кадры, технологии, доверие — постепенно теряют запас прочности. Риск возникает при одновременном ухудшении нескольких контуров.

Окно возможностей — период, когда структурную проблему ещё можно решить управляемой ценой. У него нет мистического таймера: его сужение проявляется через рост стоимости модернизации, потерю компетенций и сокращение числа доступных решений.

Субъектность — способность государства и общества формулировать собственные цели, участвовать в создании правил и сохранять достаточное число альтернатив, чтобы внешняя зависимость не превращалась в принуждение.

«Колония без оккупации» — публицистическая метафора критической зависимости от внешних расчётов, технологий, рынков или платформ. Она не является юридическим диагнозом и не предполагает единого центра управления.

Информационный суверенитет — способность сохранять критические каналы связи, данные, программные и культурные компетенции при одновременной защите прав человека и совместимости с полезными международными стандартами.

Алгоритмическая зависимость — ситуация, когда автоматическая система существенно влияет на доступ человека к информации, финансированию, услугам или возможностям, а логика решения непрозрачна и отсутствует эффективная процедура пересмотра.

Критическая инфраструктурная зависимость — отсутствие реальной альтернативы ключевому поставщику, маршруту, платформе или стандарту. Её главный признак — непропорционально большой ущерб от отказа одного узла.

Реактивность — управление, при котором большая часть ресурса уходит на ответы на уже возникшие кризисы, а предотвращение следующего кризиса систематически откладывается.

Внешняя рамка — набор понятий и критериев, через которые другие участники международной системы описывают страну и её возможности. Субъектность требует не отрицать чужую рамку, а иметь собственные данные, язык и институты для конкурирующего описания.

Длинный конфликт — конфликт, последствия которого выходят далеко за военную сферу и затрагивают бюджет, промышленность, инфраструктуру, технологии, демографию, общественные ожидания и международные связи.

Чувство поражения — общественное восприятие исторического перехода как утраты статуса, территории, институтов или привычного мира. Оно важно для политики памяти, но не заменяет юридическое и историческое описание событий.

Инерция — продолжение привычной траектории без достаточной проверки того, соответствует ли она изменившейся среде. Инерция может некоторое время сохранять порядок, но увеличивает стоимость поздней корректировки.

Ключевой принцип части: спусковой крючок не равен причине.

Военный успех не автоматически равен долгосрочному стратегическому выигрышу.

Стабильность ценна, пока она создаёт пространство для развития, а не заменяет его.

Суверенитет усиливается не громкостью заявления, а числом реальных альтернатив в критических системах.

Ресурсный доход создаёт возможности, но сам по себе не определяет качество институтов и образ будущего.

Главный исторический урок этой части — не вера в повторение 1917 или 1991 года. Он в том, что сочетание внешнего стресса с накопленными внутренними ограничениями резко повышает цену ошибки.

Дальше книга переходит от исторического опыта к голосам авторов, которые по-разному описывали эти риски, — и проверяет их формулы фактами, а не авторитетом имени.

Часть III. Голоса и предостережения: мнения, а не пророчества

Глава 17. Збигнев Бжезинский: геополитическая логика Евразии

Збигнев Бжезинский был одним из наиболее влиятельных американских стратегов второй половины XX века. Его тексты важны не потому, что в них якобы содержится тайный «план уничтожения России», а потому, что они предельно ясно показывают логику конкуренции великих держав за влияние на евразийском пространстве.

Что действительно можно извлечь из его работ

В «Великой шахматной доске» Бжезинский рассматривал географию, союзы, транспортные коридоры и политическую ориентацию государств как элементы американской стратегии. Это открытая геополитическая аргументация, а не доказательство единого скрытого сценария, которому автоматически подчинены все события последующих десятилетий.

Уязвимость возникает из зависимости

Для России практический урок состоит в другом. Чем сильнее страна зависит от одного рынка, расчётного механизма, технологического поставщика или маршрута, тем легче внешняя конкуренция превращается в давление. Ответ — диверсификация, собственные компетенции и отношения, в которых партнёрам выгодна российская устойчивость.

Почему это важно для ПРОЦВЕТЕНИЯ

Геополитика не отменяется красивой идеей. Но привлекательная модель развития расширяет инструменты геополитики: партнёры приходят не только из страха или необходимости, но и ради совместных проектов. Самостоятельность сильнее тогда, когда она создаёт взаимную выгоду.

Глава 18. Джульетто Кьеза: предупреждение о сжатии времени

Итальянский журналист и политик Джульетто Кьеза часто использовал резкую публицистическую интонацию, говоря о кризисе мировой системы и рисках для России. Его прогнозы нельзя читать как календарь будущего. Полезнее отделить эмоциональную форму от вопроса, который за ней стоит: что происходит со страной, если скорость внешних изменений выше скорости её внутренних решений?

Время как ресурс

Технологические циклы, финансовые рынки, информационная среда и международные коалиции меняются быстрее, чем десятилетия назад. Поэтому потерянные годы могут означать утрату компетенций, кадров и инфраструктурных возможностей. Но из этого не следует, что существует мистическая дата, после которой страна «исчезнет».

Профессиональная срочность

Срочность становится полезной, когда превращается в процесс: решение → пилот → измерение → корректировка → масштабирование. Паника сокращает горизонт; управление, наоборот, делает время измеримым.

В этом смысле предупреждение Кьезы важно не как пророчество, а как напоминание: стратегические решения имеют стоимость задержки. ПРОЦВЕТАНИЕ должно уметь считать эту стоимость.

Глава 19. Станислав Говорухин: «Великая криминальная революция» как диагноз эпохи

Выражение «великая криминальная революция» стало одной из самых узнаваемых публицистических характеристик российских 1990-х. Оно передаёт чувство несправедливости, которое возникло у части общества на фоне криминала, резкого неравенства и спорной приватизации.

Метафора не заменяет историю

Эта формула не означает, что вся экономическая реформа была преступлением или что любой частный собственник получил имущество незаконно. Она фиксирует моральный вопрос: насколько легитимным общество считает происхождение правил и собственности.

Долгий след

Споры о 1990-х продолжаются потому, что они затрагивают не только прошлое. Это вопрос доверия к суду, конкуренции, социальной мобильности, происхождения крупных капиталов и ощущения равенства перед правилами.

Ответ ПРОЦВЕТАНИЯ

Проект будущего не может строиться на новой экспроприации или поиске виноватых по классовому признаку. Его задача — создать такие правила, при которых собственность защищена, конкуренция реальна, незаконные преимущества пресекаются законом, а общественная отдача от природных и инфраструктурных активов прозрачна.

Глава 20. Виктор Астафьев: нравственная боль как литературное свидетельство

Виктор Астафьев говорил о стране языком писателя, а не статистического ведомства. Его жёсткие оценки ценны как свидетельство нравственного опыта — войны, бедности, разрушения привычного уклада, боли за деревню и человека труда.

Литература задаёт вопрос, а не выдаёт таблицу

Писатель имеет право сгущать краски и говорить предельно. Но художественная формула не должна превращаться в социологический факт. Если Астафьев описывает унижение человека, для общественной политики это повод спросить: какими показателями достоинство можно увидеть в реальной жизни?

От боли к критерию

Для ПРОЦВЕТАНИЯ таким критерием становятся доступность медицины и образования, качество среды, уважение к труду, возможность жить вне мегаполиса без ощущения заброшенности, сохранение культурной памяти и право человека быть не статистической единицей, а участником развития.

Сила литературы именно в том, что она не даёт спрятать человеческую цену за усреднёнными цифрами. Но политика начинается там, где эта цена переводится в измеримые решения.

Глава 21. Александр Зиновьев: пессимистический сценарий как стресс-тест

Александр Зиновьев создавал масштабные и часто предельно мрачные модели общества. Его поздние прогнозы о России и глобализации воздействуют прежде всего радикальностью постановки вопроса. Но прогноз философа — не факт будущего.

Зачем нужны пессимистические сценарии

Сильный негативный сценарий полезен как стресс-тест. Он заставляет проверить, какие институты могут не выдержать давления, где возникают зависимости и что произойдёт, если общество утратит способность исправлять ошибки.

Граница между анализом и пророчеством

Теория становится слабее, когда любое событие заранее объявляется её подтверждением. Поэтому идеи Зиновьева в этой книге следует сопоставлять с данными, а не использовать как доказательство того, что конкретный исход неизбежен.

Практический вывод

ПРОЦВЕТАНИЕ должно быть устроено так, чтобы собственные ошибки можно было увидеть раньше, чем они становятся системными. Независимая оценка, открытые показатели и право на критику — не препятствия новой модели, а защита от превращения любой большой идеи в догму.

Глава 22. Владимир Путин: утраченные ориентиры и смысл после войны

Вопрос о национальной цели — не отвлечённый спор этой книги. После распада СССР Россия получила новую государственность, рыночную экономику и иные институты, но вместе с этим лишилась прежней цельной картины будущего. В разные годы её пытались заменить ростом потребления, суверенитетом, патриотизмом, национальными проектами и образом внешней угрозы. Всё это важно, но ни один элемент сам по себе не отвечает на главный вопрос: ради какой жизни существует страна через двадцать, пятьдесят, сто лет?

2012 год: признание утраты ориентиров

В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года Владимир Путин прямо говорил о последствиях постсоветского перелома: после отказа от идеологических штампов прежней эпохи «были утрачены и многие нравственные ориентиры». В том же выступлении он сформулировал ещё жёстче: если нация утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей не нужен внешний враг — всё может развалиться само. Для этой книги это принципиальное признание: демонтаж старой системы ценностей не создаёт новую автоматически. [34]

Проблема проявилась не только в идеологии. В 1990-е страна пережила обрыв привычных социальных лифтов, падение доверия к институтам, резкое имущественное расслоение, демографический и промышленный шок, отток части научных и инженерных кадров. У каждого явления были собственные причины, и сводить их к «утрате смысла» было бы упрощением. Но отсутствие общего долгого ориентира делало ответы фрагментарными: выживание часто подменяло развитие, личный успех — общественный результат, а будущее — адаптация к очередному кризису.

2026 год: вопрос, который вернулся

26 июля 2026 года на встрече с военнослужащими Военно-Морского Флота Путин рассказывал о людях, которые помогают фронту и тылу, и пересказал услышанный от волонтеров тревожный вопрос: «СВО закончится — чем мы будем заниматься?» Речь шла не о признании Президентом отсутствия собственного плана, а о страхе людей потерять чувство нужности, общей задачи и непосредственной причастности после возвращения к мирной жизни. [35]

Но именно поэтому эта реплика важна. Она показывает парадокс: чрезвычайная ситуация способна дать человеку очень ясную систему координат — есть угроза, есть конкретная помощь, есть результат сегодня. Мирная жизнь устроена сложнее. Если государство не предложит столь же понятный созидательный горизонт, общество рискует почувствовать не облегчение, а пустоту. Вопрос волонтеров становится вопросом страны: что объединит нас, когда необходимость военной мобилизации исчезнет?

От мобилизационного смысла — к созидательному

Ответ нельзя свести к новому лозунгу. Большое мирное дело должно быть материальным: здоровые и растущие семьи, современная школа, доступная медицина, сильная наука, новые производства, благоустроенные города и сёла, восстановленная инфраструктура, технологическая самостоятельность. Человек должен видеть, где в этой картине находится его труд и почему результат государства улучшает жизнь его детей.

В этом состоит авторская гипотеза ПРОЦВЕТАНИЯ. Суверенитет отвечает на вопрос «кто принимает решения». Безопасность — «что мы защищаем». ПРОЦВЕТАНИЕ должно ответить на более трудный вопрос: «ради какой жизни всё это делается?» Смысл нельзя приказать. Его можно подтвердить только результатом, который гражданин способен увидеть и проверить.

Поэтому главная постсоветская проблема — не отсутствие официальных ценностей. Они сформулированы. Проблема в разрыве между ценностью и повседневным критерием успеха.

Пока престиж государства измеряется главным образом способностью выдержать очередной кризис, а не качеством созданного будущего, кризис невольно становится самым убедительным источником коллективной мобилизации.

Мирное «большое дело» должно быть видимым

Военная мобилизация сильна своей конкретностью: адрес помощи, понятная задача, немедленная обратная связь. Мирная стратегия проигрывает, когда растворяется в программах и процентах. Её единицами должны стать видимые результаты: новая лаборатория и завод, снижение смертности, современная школа, возвращённая технология, восстановленный город, дорога, которая меняет экономику района, семья, уверенная, что детям здесь есть будущее. Тогда сопричастность не исчезает вместе с чрезвычайными обстоятельствами.

Именно здесь проходит граница зрелости государства. Оно не должно нуждаться в постоянной опасности, чтобы люди чувствовали единство и смысл. Если Россия сумеет перенести дисциплину, солидарность и готовность к усилию из военного времени в созидание, поствоенный переход станет началом развития. Если нет, вопрос «чем мы будем заниматься?» окажется не бытовой тревогой волонтёров, а диагнозом незавершённого постсоветского поиска.

Глава 23. Михаил Ковальчук: цифровые риски и «служебный человек»

Михаил Ковальчук, президент НИЦ «Курчатовский институт», в публичных выступлениях поднимал вопросы цифровой зависимости, биотехнологий, вмешательства в геном и риска использования научного прогресса во вред человеку. Часть его формулировок носит ярко выраженный публицистический и метафорический характер.

В этой книге такие высказывания рассматриваются не как доказательство существования единого тайного проекта, а как повод обсудить реальную проблему: технология сама по себе не гарантирует гуманного результата.

Цифровая инфраструктура может повышать удобство и безопасность, но одновременно концентрировать массивы персональных данных. Генетические технологии способны лечить тяжёлые заболевания, но требуют строгих этических ограничений. Искусственный интеллект может помогать человеку, но непрозрачные алгоритмы способны влиять на выбор и создавать зависимость от владельцев платформ.

Поэтому выражения вроде «цифровой гулаг» или «служебный человек» в дальнейшем используются как публицистические метафоры предельного риска, а не как описание уже установленного факта.

Практический вывод

Нужны понятные правила: защита персональных данных, прозрачность алгоритмов, человеческий контроль над критическими решениями, биоэтическая экспертиза, право на информированное согласие и запрет дискриминации по цифровому или биологическому профилю.

С точки зрения ПРОЦВЕТАНИЯ вопрос звучит просто: технологии должны расширять свободу и способности человека, а не превращать его в объект управления.

Глава 24. Владимир Войнович: художественное предупреждение, а не прогноз

Владимир Войнович говорил о России языком сатиры и художественного преувеличения. Именно поэтому его тексты нельзя читать как статистический прогноз или политическую справку.

Ценность такого взгляда в другом: литература показывает эмоциональную сторону общественного кризиса — отчуждение, недоверие, усталость, страх перед будущим. Эти состояния трудно измерить одним показателем, но они способны влиять на поведение миллионов людей.

Автор книги использует образ «раны» как метафору незавершённых конфликтов памяти и идентичности. Речь не о медицинском диагнозе государству, а о необходимости обсуждать сложные исторические вопросы без превращения прошлого в постоянный источник внутренней вражды.

Художественное предупреждение полезно именно тогда, когда не выдаётся за факт. Оно заставляет задать вопрос: какие институты помогают обществу переживать разногласия и сохранять способность совместно строить будущее?

Глава 25. Андрей Кончаловский: культура как долгосрочная инфраструктура

В публичных выступлениях Андрей Кончаловский неоднократно рассуждал о культурной самостоятельности, образовании и ответственности элиты. Для этой книги важен сам принцип: культура — не украшение экономики, а инфраструктура смыслов.

Страна может увеличивать выпуск продукции и одновременно терять способность воспроизводить сложную культуру, научную школу, язык профессионального разговора и доверие между поколениями. Такой риск не измеряется одной цифрой ВВП.

Поэтому ПРОЦВЕТАНИЕ предполагает инвестиции не только в дороги и заводы, но и в библиотеки, музеи, школы, университеты, фундаментальную науку, локальные культурные центры и доступ детей к сложному искусству.

Культура не должна становиться инструментом унификации взглядов. Её сила — в развитии мышления, памяти и способности вести спор без уничтожения оппонента.

Глава 26. Евгений Пригожин: публичные заявления участника конфликта и пределы их использования

Высказывания Евгения Пригожина в 2022–2023 годах были частью острого публичного конфликта вокруг организации военных действий. Они отражали позицию непосредственного участника событий, но сами по себе не могут считаться нейтральной и полной картиной происходившего.

Поэтому в этой книге его заявления не используются как доказательство оперативных фактов, потерь, снабжения или решений командования. Такие сведения требуют официального подтверждения и документальной проверки.

Для автора важен общий управленческий урок: в любой крупной системе опасны разрыв обратной связи, конкуренция ведомств, запаздывание решений и превращение внутреннего спора в публичный кризис.

Этот урок относится не только к военной сфере. Он применим к государственному управлению, корпорациям, науке и инфраструктурным проектам: система должна иметь законные механизмы для выявления ошибок и их исправления до того, как они превращаются в катастрофу.

Глава 27. Константин Крылов: «колония» как политическая метафора

В российской публицистике слово «колония» часто используется для описания сырьевой зависимости, вывода капитала, технологической зависимости и слабой переговорной позиции. Константин Крылов также обращался к подобной рамке.

В строгом юридическом смысле современная Россия не является колонией. Поэтому далее этот термин используется только как метафора экономической модели, в которой значительная часть добавленной стоимости, технологий или финансовых решений формируется за пределами страны.

Содержательный вопрос заключается не в ярлыке, а в структуре: где создаётся технология, кому принадлежат права на неё, где остаётся прибыль, насколько экономика зависит от внешней инфраструктуры расчётов, оборудования и программного обеспечения.

Выход из такой зависимости — не самоизоляция, а создание собственных компетенций и более выгодных форм международной кооперации.

Глава 28. Генерал Леонид Ивашов: критический сценарий как мнение

Леонид Ивашов в своих публичных выступлениях давал крайне жёсткие оценки российской политики и рисков для будущего страны. Эти оценки являются его личной политической и экспертной позицией.

Книга не представляет прогнозы конкретного автора о сроках возможного кризиса как установленные факты. Сценарии распада, потери суверенитета или тяжёлого внутреннего кризиса по своей природе являются предположениями и зависят от множества переменных.

Полезная часть подобных предупреждений — перечень факторов, которые действительно стоит анализировать: демография, качество государственного управления, доступность медицины, региональное неравенство, технологическая самостоятельность, доверие к институтам и способность экономики выдерживать длительные внешние нагрузки.

Именно в таком качестве критический прогноз и рассматривается далее: не как пророчество, а как стресс-тест государственной системы.

Глава 29. Россия на развилке: сценарии риска, а не пророчества

Будущее государства нельзя честно свести к дате или одному неизбежному сценарию. История показывает обратное: траектории меняются под воздействием решений, технологий, цен, демографии, международной среды и общественных ожиданий.

В 2026 году Россия одновременно сталкивается с санкционными ограничениями, военным противостоянием, демографическими проблемами, технологическими задачами и необходимостью поддерживать развитие регионов. При этом у страны сохраняются крупная промышленная база, научные школы, энергетические ресурсы, инфраструктура и человеческий капитал.

Поэтому корректнее говорить не «крах неизбежен», а «существуют риски, которые нельзя игнорировать». Такой язык не смягчает проблему — он делает её проверяемой.

В логике книги есть два направления: инерционное, при котором структурные проблемы накапливаются, и развивающее, при котором ресурсы направляются на человеческий капитал, технологии, институты и рост качества жизни.

Глава 30. Константин Сивков: военный анализ и пределы прогноза

Константин Сивков известен жёсткими военно-политическими прогнозами. Как и любые прогнозы такого рода, они отражают аналитическую модель автора, а не заранее известное будущее.

Вместо повторения неподтверждённых оценок потерь или состояния конкретных подразделений здесь важен общий тезис: затяжное противостояние испытывает не только вооружённые силы, но и экономику, промышленность, логистику, бюджет, демографию и международные связи.

Это системный принцип, применимый к любой стране. Чем дольше сохраняется высокий уровень военных и санкционных нагрузок, тем важнее одновременно поддерживать гражданскую инфраструктуру, технологическое обновление, инвестиции и человеческий капитал.

Военная безопасность и развитие не должны рассматриваться как взаимоисключающие задачи. Устойчивость возникает там, где оборона опирается на работающую экономику, образование, науку, промышленность и доверие общества.

Глава 31. Владимир Пантин: исторические циклы и проверка гипотезы фактами

Владимир Пантин исследовал исторические циклы и пытался выявлять повторяющиеся ритмы в политическом и экономическом развитии. Подобные модели интересны как способ структурировать большой исторический материал.

Но циклическая модель не является календарём будущего. Совпадение нескольких событий с заранее выделенным периодом само по себе не доказывает существование строгого исторического закона.

Поэтому даты и интервалы, предлагаемые циклическими теориями, в этой книге рассматриваются как аналитические ориентиры. Их ценность — в постановке вопросов о фазах накопления напряжения, реформ, институциональной усталости и обновления.

Главный практический вывод остаётся простым: кризисный период требует более качественных решений, а не веры в неизбежность предсказанного сценария.

Проверка циклической гипотезы фактами

После начала нового этапа российско-украинского конфликта в 2022 году многие авторы стали сопоставлять происходящее с более ранними прогнозами. Такая ретроспективная проверка допустима, но она легко создаёт иллюзию точности.

Корректный подход требует отделять заранее опубликованный прогноз от последующей интерпретации. Если формулировка настолько широка, что под неё можно подвести почти любое потрясение, её предсказательная ценность невелика.

Поэтому автор предлагает использовать исторические циклы не для гадания о конкретном годе «краха», а для оценки устойчивости институтов: насколько быстро государство учится, обновляет инфраструктуру, снижает зависимость от одного источника дохода и создаёт пространство для профессиональной дискуссии.

Глава 32. Сергей Глазьев: экономический суверенитет и структурная зависимость

Сергей Глазьев на протяжении многих лет выступал за активную промышленную политику, развитие собственного кредита, технологическую самостоятельность и более широкое использование национальных валют во внешней торговле.

Эти предложения можно обсуждать независимо от конспирологических объяснений мировой политики. Для книги важен конкретный вопрос: может ли страна проводить долгосрочную стратегию, если критически зависит от внешних финансовых, технологических или расчётных контуров?

Ответ автора: такая зависимость повышает уязвимость, но её нельзя устранить одним запретом или разрывом связей. Нужны собственные технологии, конкурентная промышленность, наука, доступный инвестиционный кредит, инфраструктура международных расчётов и партнёрства, выгодные всем сторонам.

Именно здесь концепция ПРОЦВЕТАНИЯ переходит от лозунга к экономической архитектуре: суверенитет должен выражаться не в изоляции, а в способности выбирать партнёров и правила без критической зависимости от одного внешнего центра.

Глава 33. Что такое «КАПИТАЛ» в этой книге: когда средство становится целью

Слово «капитал» само по себе не обозначает зло. Без накопленного капитала невозможно построить завод, профинансировать исследование, выдать долгий кредит или создать новую технологию. Поэтому книга спорит не с капиталом как экономической категорией.

КАПИТАЛ — авторская предельная модель

Верхний регистр обозначает ситуацию, в которой финансовая отдача перестаёт быть одним из критериев и становится главным смыслом системы. Тогда решения начинают оцениваться прежде всего по скорости монетизации, а издержки для человека, институтов и будущих поколений легче вынести за пределы расчёта.

Четыре механизма

- Короткий горизонт: выгоднее квартальный результат, чем инвестиции, окупающиеся через десять лет.
- Приватизация выгоды и общественные издержки: прибыль получает узкий участник, а экологический, социальный или инфраструктурный ущерб распределяется на всех.
- Концентрация правил: крупный игрок получает возможность не только конкурировать, но и влиять на стандарты, доступ к данным, инфраструктуре и рынкам.
- Монетизация внимания и данных: поведение человека становится экономическим активом, а его автономия — переменной бизнес-модели.

Рынок не равен КАПИТАЛУ

Конкуренция, предпринимательство, прибыль и частная собственность совместимы с ПРОЦВЕТАНИЕМ. Вопрос в границах и целях. Прибыль показывает эффективность части решений, но не измеряет здоровье общества, доверие, качество образования или состояние среды.

Главный конфликт

КАПИТАЛ в этой книге начинается там, где человек рассматривается как средство системы. ПРОЦВЕТАНИЕ — там, где система рассматривается как инструмент развития человека. Это не спор «деньги или без денег», а спор о том, кто кому служит.

Глава 34. Почему модель привлекательна: свобода, успех и безопасность

Три обещания, которые действительно важны человеку

Критика КАПИТАЛА будет слабой, если представить рынок сплошным обманом. Рыночные институты реально расширяют выбор, поощряют инициативу и позволяют распределять риски. Проблема начинается там, где эти полезные механизмы перестают быть средствами и превращаются в единственный критерий успеха.

1. Свобода выбора

Рынок даёт человеку возможность выбирать работу, товары, услуги и способы вложения средств. Но формальный выбор ещё не равен полной автономии: на решение влияют концентрация рынка, доступ к информации, алгоритмические рекомендации и правила платформ.

Поэтому важен не лозунг «ты свободен», а качество самой среды выбора: можно ли сменить поставщика, понять условия сделки, отказаться от сбора лишних данных и оспорить решение, которое существенно влияет на жизнь.

Даже десятки моделей смартфонов не создают цифровой свободы, если правила обработки данных непрозрачны и пользователь фактически не может выбрать иной режим.

2. Успех и социальная мобильность

Личная инициатива, труд и предпринимательство действительно способны повышать доход и расширять возможности. Но стартовые условия, качество образования, доступ к капиталу, инфраструктуре и профессиональным сетям заметно влияют на траекторию человека.

Проблема возникает, когда редкие истории исключительного успеха преподносятся как универсальная модель и заслоняют вопрос о том, насколько широки реальные социальные лифты для большинства.

Одни люди создают крупные состояния, другие повышают благосостояние постепенно, третьи сталкиваются с долговой или профессиональной уязвимостью. Задача институтов — не гарантировать одинаковый результат, а обеспечивать честный доступ к возможностям и правилам.

Кредит также может быть инструментом развития — например, для жилья или бизнеса. Риск появляется тогда, когда долговая нагрузка растёт быстрее дохода и делает человека зависимым от одного неблагоприятного изменения ставки, занятости или цены актива.

Поэтому вопрос не в том, «обманывает» ли рынок, а в том, насколько система позволяет человеку выигрывать от инициативы, не превращая ошибку или временный кризис в пожизненную ловушку.

3. Безопасность через собственность, накопления и страхование

Сбережения, страхование и инвестиции помогают распределять риски и создавать личный запас прочности. Но частная финансовая защита не заменяет устойчивых институтов, стабильной инфраструктуры и понятных правил.

Инфляция, системный кризис, потеря работы или резкое изменение стоимости кредита показывают предел индивидуальной страховки. Поэтому безопасность человека складывается и из личной ответственности, и из качества общей экономической среды.

Что именно критикует книга

Не свободу — а ситуацию, в которой выбор непрозрачно направляется и человек не может понять правила.

Не успех — а систему, где доступ к возможностям слишком сильно зависит от положения на старте и близости к инфраструктуре влияния.

Не накопления — а перенос системных рисков на отдельного человека без достаточных механизмов защиты и второго шанса.

Не рынок — а короткий горизонт, при котором квартальная выгода систематически вытесняет инвестиции в человека, знания и инфраструктуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.